Они первыми входят в ад, или Тотальный заговор

Рыбас Святослав Юрьевич — председатель совета директоров Русского биографического института, член Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации.

(Продолжение. Начало см. в № 1/2016, с. 106–117; в № 2/2016, с. 94–106)

Пожалуй, не мог не возникнуть вопрос: ради чего же Россия вела войну? Французские историки сделали обескураживающий вывод: теперь на путях к Проливам вместо одной слабой Турции встали еще Румыния и Болгария, «был воздвигнут двойной барьер — препятствие, гораздо труднее преодолимое как с материальной, так и с моральной точки зрения, чем турецкие армии, столько раз уже побежденные» [23, с. 446–447].

Тем временем в российских газетах развернулась антигерманская кампания. России срочно требовалось найти нового союзника, с которым были бы общие интересы, и таким союзником могла быть только Франция, не забывшая поражения от

Черноморские проливы

Александр III

Поднесение адреса и хлеба-соли П.А. Столыпину на хуторе близ Москвы. Август 1910 г.

немцев в 1870 г. и по-прежнему опасавшаяся Германии.

В октябре 1879 г. Берлин заключает с Веной «Обоюдный договор», согласно которому две страны должны совместно отражать нападение России. Если же Германия подвергалась бы нападению Франции, то Австро-Венгрия обязывалась соблюдать нейтралитет.

В 1885 г. началась война между Сербией и Болгарией, за первой стояла Россия, за второй — Австро-Венгрия; Франция же поставляла оружие в Россию. Положение обострялось, в Петербурге и Париже начали разрабатывать планы на случай войны с Германией. Бисмарк попытался привлечь к «Обоюдному договору» Англию, для чего, надеясь сыграть на противоречиях между Англией и Россией, предложил британскому правительству заключить военный союз, но встретил отказ. Лондон уже стал опасаться Германии.

Примерно тогда же, в середине 1886 г., газета «Московские ведомости» начала кампанию против ориентации российской дипломатии на союз с Германией и за сближение с Францией, врагом последней. М.Н. Катков поддержал внешнеполитические идеи своего союзника Победоносцева. Почему? Причина заключалась в необходимости защиты отечественной промышленности, к тому времени показавшей бурный пост благодаря барьеру в виде «чудовищных пош-

Прибытие французской эскадры в Кронштадт

лин». Протекционизм Санкт-Петербурга вызвал сопротивление Берлина, немцы не жалели сил, чтобы пробиться на российский рынок, подводя напряжение к военной угрозе. Поэтому Франция становилась более привлекательной.

Как подчеркнул современный исследователь Павел Жаворонков, переход российского фондового рынка с англо-германского на французский был связан с балканской политикой России. Поскольку европейские союзники Османской Турции — Пруссия и Великобритания — одновременно являлись крупнейшими держателями русских государственных обязательств, прусский банковский дом Блейхредеров и британские Ротшильды — главные кредиторы России — напомнили о скорых сроках погашения принадлежащих им железнодорожных займов на сумму более 200 млн рублей.

Эти ценные бумаги выпускались для финансирования программы строительства железных дорог в Российской империи и к концу 1870-х годов с самыми дорогими кредитными обязательствами в мире. Российский Минфин вел переговоры с Блейхредерами и Ротшильдами о реструктуризации этих долгов. Соглашение было уже достигнуто, но политический конфликт спутал карты.

Правительства Пруссии и Великобритании запретили размещение новых русских ценных бумаг на своих биржах. Удар был очень сильный, германский денежный рынок фактически закрылся. Германское правительство дало указание Имперскому банку не принимать в залог русские ценные бумаги, а в германской прессе началась кампания по дискредитации экономического положения России.

В Берлине рассчитывали на уступки Петербурга, однако российский государственный корабль круто повернул в сторону Парижа. Крупнейшие банки *Credit Foncier* и *Societe Generale*, финансовая группа Ноэля Бардака и банковский дом французских Ротшильдов объединились в синдикат с целью «перенести весь оборот русских ценных бумаг с лондонской и берлинской бирж во Францию». В ноябре 1888 г. российское правительство получило от банковской группы французских Ротшильдов заем в 500 млн франков, затем в 1889 г. два займа — в 700 млн и 1200 млн франков, а в 1890 и 1891 гг. — новые займы.

Сотрудничество Франции и России приобрело черты политического союза. Во франко-русском союзном договоре впервые был провозглашен принцип государственного покровительства для частных инвесторов из дружественного государства, что означало упрощение правил регистрации, процедуры покупки недвижимости; оборонные заказы стали размещаться на французских заводах. В первые годы франко-русского союза было инвестировано в создание новых промышленных предприятий почти 200 млн рублей, к 1917 г. — свыше 700 млн. Приоритетными отраслями стали горная промышленность, металлургия и машиностроение. Новые предприятия окупались за 2–2,5 года и начинали приносить французским акционерам прибыль порядка 35–40% (!) в год.

В июле 1891 г. французская эскадра прибыла с визитом в Кронштадт; встречая ее, Александр III с непокрытой головой прослушал гимн Великой французской

революции «Марсельезу», что ранее казалось немыслимым. Тогда же был заключен франко-русский консультативный договор, затем принят проект военной конвенции.

Потом началась германо-российская таможенная война.

Александр III был убежденным защитником национальной промышленности, таможенные ввозные пошлины росли почти каждый год. В результате немецкий импорт сократился почти до 27%. Немцы в ответ ввели пошлины на русский хлеб.

Вскоре Германия значительно увеличила военные расходы, а русская эскадра демонстративно отдала визит французскому флоту в Тулоне, и Александр III одобрил проект франко-русской военной конвенции. Ее первая статья гласила: «Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию».

Это уже был настоящий военный союз.

Германия начала таможенную войну, обложив русские товары более высокими пошлинами, чем товары других стран. Доля России во ввозе хлеба в Германию за 1891–1893 гг. сократилась с 54,5 до 13,9%. Витте ответил значительным повышением пошлин на германский импорт в Россию. Обе стороны несли большие убытки. Германский ввоз в Россию почти прекратился, русская внешняя торговля также страдала от сокращения рынка. Поняв, что таможенная война не приводит к желаемым результатам, германская дипломатия предложила возобновить переговоры. В феврале 1894 г. в Берлине был заключен русско-германский торговый договор сроком на 10 лет, устроивший обе стороны.

Однако мировая обстановка уже была иной: четыре самые могущественные континентальные державы сформировали военные союзы. Очередь оставалась за Великобританией, которая, как всегда, была труднопредсказуемой. Она должна была выбрать, какая из двух коалиций представляет наибольшую опасность. И время ее выбора вскоре наступит.

Балансируя между сильными европейскими государствами, периферийная Россия пыталась обеспечить свое экономическое развитие и не скатиться до положения полуколониальной страны.

Вот так, балансируя между сильными европейскими государствами, периферийная Россия пыталась обеспечить свое экономическое развитие и не скатиться до положения полуколониальной страны. Можно сказать, и доныне это постоянные обстоятельства ее героического существования.

Продолжим наше восточное «путешествие» в компании с российским бизнесом и под крышей российского МИДа. В 1893 г. Персидское страховое и транспортное общество Лазаря Самуиловича Полякова приобрело концессию на строительство в Персии дороги Энзели — Казвин, было образовано Общество Энзели-Казвиненской дороги, получившее право продолжить дорогу до Тегерана и Хамадана. 77% выпущенных обществом акций, по указанию С.Ю. Витте, были выкуплены государственным казначейством. Контроль над деятельностью Общества Энзели-Тегеранской дороги оказался полностью сосредоточен в руках правительства.

Чтобы понять дальнейшую интригу, необходимо углубиться еще дальше на восток, куда была проложена Транссибирская магистраль. После поражения в Крымской войне и утраты из-за сопротивления Англии всех преимуществ, полученных после войны с Турцией, Россия развернулась в противоположную от Европы сторону.

Британия энергично выступала против этого поворота, видя в нем угрозу своим восточным владениям. Вскоре после начала строительства Транссиба комментатор А. Колкхэм выразил господствующее мнение Министерства иностранных дел Британии и лондонского Сити: «Это направление будет не только одним из величайших торговых путей, которые когда-либо были известны миру, но и превратится в политическое оружие в руках русских, значение и мощь которого трудно переоценить. Это сделает Россию единым государством, которому больше не будет необходимости в проливах Босфор и Дарданеллы или Суэцком канале. Он (новый железнодорожный проект. — *Примеч. авт.*) даст ей экономическую независимость, которая сделает ее сильнее, чем она когда-либо была или когда-либо мечтала стать».

В результате строительства возник центр русской экономиче-

ской экспансии в городе Харбине (Китай), за последующие 14 лет население Сибири и Дальнего Востока удвоилось, вдоль Транссиба выросло десять новых городов, он обрел выход к океану в незамерзающих бухтах Порт-Артура и Дляньваня. Без этих бухт Транссиб оставался бы геополитически незавершенным.

Однако дальнейшее продвижение России на Восток натолкнулось на ожесточенное сопротивление. Она потерпела поражение в Русско-японской войне 1905 г., в которой Британия стала союзницей Японии.

к вчерашнему врагу — России для создания нового союза. И Англия повернулась, поманив Россию Проливами.

На российское правительство давили мощные лоббистские группы — экспортеры зерна, банкиры, углепромышленники, машиностроители, судостроители, нефтепромышленники, для которых было принципиально важно получить контроль над Черноморскими проливами, дающими выход в Средиземное море. Многие были связаны с французским капиталом (производство металла, добыча нефти и угля, экспорт нефти и зерна).

Прокладывали железные дороги, боролись за рынки, но при этом не замечали собственный внутренний рынок, потому что не искали, как обогатить бедное население.

Если мы проследим связь между российским железнодорожным рывком к Тихому океану и прокладкой Германией железной дороги между Веной и Константинополем, по которой первый поезд прошел в декабре 1887 г., станет понятно, что обе континентальные империи, Россия и Германия, двигаются в одном направлении — туда, где их вовсе не ждет Великобритания.

«Германия рассчитывала этой стальной дорогой перебросить нечто вроде моста с многочисленными арками от берегов Босфора к Персидскому заливу. Она желала создать по направлению к Индии и Дальнему Востоку великий немецкий путь...» [24, с. 453–454].

Если прибавить к этому колоссальный рост германского торгового и военного флота, то станет понятно, что угроза в ближайшей перспективе утратить положение «владычицы морей» поворачивала Англию лицом

«Но кроме зернового экспорта надо принять во внимание текстильный — вывоз бумажных тканей на азиатской границе составил в 1909 г. 21,5 млн рублей, а в 1913 г. — 40,8 млн рублей, почти удвоился. Уже война 1877–1878 гг. была в известной степени попыткой выбросить за границы России железнодорожное строительство, возможности которого внутри империи нетерпеливым грюндерам казались исчерпанными. Об этом неопровержимо свидетельствует болгарская политика Александра III, железнодорожный смысл которой так и бьет в глаза...» [25, с. 115].

Сотрудничество с Англией было *НЕвзаимовыгодное*. И вот почему. В XIX — начале XX в. продвижение России в центральноазиатском направлении было одним из приоритетных. Персия в нем играла особую роль, здесь сошлись интересы русских промышленников и дипломатов. Накануне мировой войны российский ввоз составлял более половины всего персидского импорта, и две трети иранского экспорта шло в Россию. Население Персии носило одежду, изготовленную из российских тканей фабрик Рябушинских, Гучковых и Коноваловых. В российском ввозе 80% составляла продукция промышленности, половина всего русского экспорта хлопчатобумажных тканей (вспомним Рябушинских!), до трети экспорта сахара, 11% экспорта металлических изделий. К началу XX в. российский купец был монополистом на севере Персии.

Летом 1907 г., после всех бед военного поражения и революции, Россия заключила с Великобританией соглашение о разделе сфер влияния в Азии, разделив сферы влияния в Персии и отказавшись от продвижения в Афганистан и Тибет.

Соглашением предусматривалось разделение Персии на три зоны влияния: север страны — России, юг — Великобритании, середина — нейтральна. Россия «получила» то, что имела, но отдала практически все. Так, начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын сказал во время обсуждения условий конвенции: «Афганистан имеет для России едва ли не самое большое значение на всем среднеазиатском театре. Новая доктрина английских военно-политических кругов, рассматривающая Среднюю Азию в качестве решающего плацдарма возможной войны с Россией, превращает страну эмира из буферного государства в британский аванпост, в огромную боевую позицию, угрожающую целостности и покою империи» [26, с. 38].

Впрочем, когда были получены гарантии англичан относительно согласия предоставить России исключительные права на проход ее военных кораблей через Проливы, Генераль-

ный штаб снял возражения. При этом Форин Офис убедил российский МИД не включать пункт о Проливах в текст официального соглашения, объяснив это возможным раздражением Германии, и этот довод был принят, чтобы сохранить свободу рук и возможность балансировать между европейскими державами. Но насколько можно было верить английским дипломатам?

В соглашении ничего не говорилось о нефти, которую британцы получали как незапланированный приз, и впоследствии, выкупив акции Англо-персидской нефтяной компании, беззастенчиво вошли в нейтральную зону и частично даже в северную. Зато в соглашении говорилось об отказе обеих империй вмешиваться во внутренние дела Персии. В итоге правительство Мохаммед-Али-шаха, главный союзник России в Центральной Азии, осталось без российской поддержки и было свергнуто проанглийской оппозицией. Поворачиваясь лицом к Проливам и Балканам, Россия теряла свои перспективы в южной Персии и Персидском заливе, ограничивала свои возможности в нейтральной зоне, где находились интересующие англичан нефтяные месторождения; Петербург лишал себя возможности даже в перспективе распространить влияние на всю Персию. В дальнейшем Лондон действовал настойчиво и блокировал русские инициативы в Персии, заявляя, что представит Россию европейскому общественному мнению как реакционера и агрессора.

Генерал-майор Е.А. Вандам (Едрихин), военный разведчик и аналитик, с сарказмом заметил: «Плохо иметь англосакса врагом, но не дай Бог иметь его другом!» [27, с. 104].

Увидев, что новоприобретенные союзники опасны, Петербург обратился к Берлину, заключив с ним в 1911 г. в Потсдаме соглашение, чтобы получить дополнительные гарантии своих интересов в Северной Персии. Германия признавала эту зону сферой влияния России, а Россия обязалась не препятствовать строительству Багдадской железной дороги. В результате русско-германское соглашение вопреки упованиям МИД активизировало строительство Багдадской железной дороги и роковым образом повлияло на обострение всех межгосударственных противоречий, прежде всего русско-германских и во вторую очередь англо-русских.

Россия оказывалась зажатой между двумя мощными «союзниками», поэтому надо было снова искать выход.

Планировалось, что Германия должна заявить об отказе от поддержки австрийской наступательной политики на Балканах. В ответ от нее было получено требование, чтобы Россия отказалась от «намерения оказывать поддержку враждебной Германии политике в случае, если бы таковой придерживалась Англия». Но прочно привязанный к Парижу финасовыми займами Петербург отверг попытку сделать германские предложения основой для переговоров.

Еще в апреле 1904 г. английская дипломатия начала антигерманскую стратегическую операцию — было подписано генеральное соглашение с Францией по комплексу спорных территорий от Ньюфаундленда до Сиама, получившее название «Сердечного согласия» (Антанта). Россия, связанная союзным договором с Францией, стала его составной частью.

Однако нельзя сказать, что в российской верхушке не понимали двойственности отношений с Парижем. Еще на заре сердечной дружбы с французами звуча-

Багдадская железная дорога

Революция 1905 г.

Черноморские проливы

ли сомнения в полезности таковой. В дневнике товарища министра иностранных дел империи В.Н. Ламздорфа (позже министра) от 3 февраля 1892 г. приводится замечание министра финансов Вышнеградского: «Только не пускаться в соглашение с французами, они нас „надуют“ и не могут быть нам полезными, а немцы для нас настолько необходимы, что я согласен на уступки для сближения по финансовым и по тарифным интересам» [28, с. 290].

Ламздорф уточнял: «Вместо того чтобы систематически ссориться с немцами и донкихотствовать в пользу французов, мы должны были бы договориться с ними о нашем нейтралитете, необходимом для обоих; мы могли бы его обещать при условии предоставлении нам известной свободы действий на Востоке. После этого нам оставалось бы только заниматься нашими собственными делами, предоставив другим устраивать свои дела между собой. Им понадобилось на это не менее столетия!..» [28, с. 322].

С другой стороны, отечественная промышленность нуждалась в защите от германской конкуренции, так что выбор был небольшой.

Еще надо учесть, что экономика России являлась полем постоянного соперничества разных групп зарубежного капитала: к началу мировой войны на долю стран Антанты (Франция, Англия, Бельгия, США, Италия) приходилось 75% инвестиций, а на долю Германии и Австро-Венгрии — всего 20%. Поэтому понятно, на чьей стороне в итоге оказалось политическое влияние.

Черноморский «доворот» в российской политике произошел после Боснийского кризиса в 1909 г., когда Австро-Венгрия при поддержке Германии ввела войска в Новобазарский санджак (турецкий район между Сербией и Черногорией), аннексировала Боснию и Герцеговину. Центральные державы получали путь к Средиземному морю и Ближнему Востоку. Не готовая к войне Россия была вынуждена согласиться с аннексией. Кризис обнаружил еще одно, дипломатическое, поражение Петербурга — министр иностранных дел А.П. Извольский пошел на неформальные переговоры с австро-венгерским коллегой А. Эренталем, дал согласие на признание Россией аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в обмен на обещание Эренталя поддержать требование России открыть Черноморские проливы для прохода русских военных судов и предоставить территориальные компенсации Сербии. Всю ответственность за переговоры с другими государствами Извольский взял на себя, хотя едва ли кто-нибудь поверил в его самоуправство, и все это закончилось «дипломатической Цусимой». Франция и Англия даже не думали поддерживать российского министра. За Проливы Россия еще должна будет заплатить запланированную Лондоном цену, что и было совершено вступлением ее в мировую войну. А без войны, извините, в Лондоне простакам не подают!

Разумеется, у России были большие интересы на Балканах и в зоне Проливов. (Еще Наполеон говорил: «Кто владеет Проливами, тот владеет миром».)

Академик М.Н. Покровский разложил ситуацию по полочкам: «...отчего в 1914 г. война вспыхнула не между Россией и Англией, а между Россией и Германией? Ответ может быть только один. Империалистская война не была исключительно или даже главным образом русским делом. Русский империализм был на мировом театре второстепенным или даже третьестепенным — а европейскую

Граждане Сараево читают объявление об аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией

Казни сербов в Требине (Герцеговина)

войну (с самого начала имевшую тенденцию стать мировой войной, поскольку участницами явились Япония — и *de facto* и *de jure* — и Соединенные Штаты — *de facto*, ибо они сразу же стали главной индустриальной базой одной из воюющих сторон) мог развязать только империалистский конфликт первого порядка. Первостепенным было — или казалось — военное могущество России, и это дало последней такое положение в конфликте, которое совершенно не соответствовало ее значению экономическому» [25, с. 333–334].

Зато громко звучали голоса поощряемых из-за Ла-Манша и из Парижа политиков и финансируемых отечественными банкирами и промышленниками интеллектуалов: «Вернуть ключи от собственного дома!» Было ясно, что «ключи» — в черноморских проливах, надо только не стесняться протянуть к ним руку.

Что же получилось в итоге колоссальных российских усилий по продвижению на Балканы, в Центральную Азию, на Дальний Восток? А получилось три войны — с Турцией, с Японией, с Германией.

Прокладывали железные дороги, вывозили зерно через проливы, организовывали промышленный экспорт в Азию, боролись за рынки, но при этом не замечали собственный внутренний рынок, потому что не искали, как обогатить бедное население.

Было забыто предостережение канцлера А.М. Горчакова, что для России «расширение территории есть расширение слабости».

Возможно ли было такое, чтобы крестьянин Сергей Терентьевич Семенов и подобные ему земледельцы разбогатели настолько, что текстильным магнатам не надо было волноваться о чужеземных рынках? Наверное, возможно. Во всяком случае успех нескольких лет премьерства Петра Аркадьевича Столыпина позволяет так думать. Политическая система «третьеиюльской монархии» опиралась на дворянство и финансово-промышленную буржуазию и обладала достаточной устойчивостью, чтобы преодолеть трудности. Для ее обрушения были необходимы чрезвычайные обстоятельства и силы.

Для простого люда предлагалось «водрузить крест на Святой Софии», то есть завоевать Константинополь.

За что велась борьба внутри российского правящего класса

Среди высшей бюрократии было немало прозорливых людей. Один из них, государственный контролер П.Х. Шванебах, писал, указывая на бедность крестьян, которые, создавая основной экспортный продукт, лишены возможности развивать свое хозяйство и поддерживать платежеспособный спрос: «Нельзя не обратить внимания вот еще на что: всякий понимает, что наше сельское хозяйство может выбраться на надлежащий путь только с переходом к усовершенствованным способам культуры и к более интенсивному извлечению доходов из земли» [29].

Если из более чем 10,9 млн крестьянских хозяйств только десятая часть могла продавать свои продукты, то оставшиеся 90% представляли собой огромный резервуар для роста товарного производства и расширения рынка. Или не резервуар, а пороховой погреб?

Проблема бедности была обратной стороной индустриальной стратегии Витте. Переставшее быть чисто дворянским государство, бюрократическое и финансово-предпринимательское, вслед за «лишними» дворянами не знало, как поступить с простонародной массой.

Хлебная торговля от крестьянского двора до морского порта была перенасыщена посредниками и ростовщическим капиталом. Это не только тормозило развитие аграрного сектора, но и лишало производителя части необходимого продукта, удушало деревню. Скупка урожая «на корню», ценовые сговоры перекупщиков, выплата мизерных авансов под будущий урожай были основной формой легального паразитирования скупщиков. Если в Министерстве земледелия США работало специальное бюро для сбора информации о хлебной торговле во всех регионах страны, численность которого составляла 150 тыс. человек, то в России в важнейшем экспортном секторе царила анархия. Ежегодно на экспорте зерна посредники, среди которых доминирующую роль играл иностранный капитал, зарабатывали до 50 млн золотых рублей.

Министерство финансов не стремилось навести здесь порядок, повысить платежеспособность крестьянских хозяйств. Страна с колоссальными возможностями расширения и усовершенствования торговли, экспортируя до 700–800 млн пудов (до 5 млн т) хлеба (вывоз в 1910–1911 гг. составлял 21,9% мирового экспорта), отдавала рыночные позиции конкурентам.

Железнодорожные тарифы, например, были изменены таким образом, чтобы наиболее выгодно было везти хлеб к портам и к западной границе, а не к промышленным центрам и потребляющим губерниям.

Оставался верным вывод П.Х. Шванебаха, относившийся к более раннему периоду: «Но если бы операции 1893–1896 гг., хлебную и золотую, изобразить бухгалтерски, то пришлось бы в актив занести привлеченное и удержанное в России золото, в пассив же — прогрессивное разорение нашего земледелия, выразившееся для крестьян в росте недоимок и в учащающихся голодовках, а для помещиков — в росте неоплатной для многих задолженности... Бедность крестьян побуждает к самому разорительному сбыту зерна.

Несоответствие между экономически активной и образованной частью населения и «старосветски-помещичьим» характером государства создавало все новые напряжения.

Не приходится ли опасаться, как бы с дальнейшим ростом хлебного вывоза не стали учащаться наши голодовки и продовольственные затруднения?» [29, с. 135–146].

Шванебаха с другого края российского общества поддерживал Антон Павлович Чехов. Так, отмечая последствия понижения на мировом рынке цен за зерно, в письме А.С. Суворину 10 января 1895 г. он писал: «Если приедете, то поговорим о хлебном кризисе. По-моему, этот кризис сослужит России большую службу. Лошади сыты, свиньи сыты, девки веселы и ходят в резиновых калошах, скот дорог, мужики даже телят не продают — одним кулакам плохо, что и требовалось» [30, с. 11].

Насколько серьезны были конкуренты отечественных сельских хозяев и экспортеров, можно судить по французской фирме «Дрейфус Луи и Ко». С 1860 г. братья Дрейфусы занимались экспортом зерна из Одессы, в 1873 г. открыли первый филиал фирмы в Таганроге. Первоначально отгрузка зерна производилась из портов Одессы, Николаева и Таганрога, в дальнейшем — из Ростова-на-Дону, Севастополя, Бердянска, Мариуполя, Ейска, Феодосии, Темрюка, Новороссийска, Петербурга, Либавы, Риги, Архангельска. К 1914 г. в России действовало 114 отделений фирмы, а в ряде регионов агенты фирмы закупали зерно даже в деревнях. Через Черноморские проливы зерно вывозилось во Францию, Великобританию, Германию, Голландию, Бельгию, Италию, Скандинавские страны, где фирма тоже имела свои отделения. Это была организация мирового уровня, работавшая, кроме России, в Аргентине, Болгарии, Румынии. Она участвовала в создании Общества южнорусских биржевых комитетов и экспортеров в Одессе, оказывала финансовую помощь ряду еврейских благотворительных обществ в Одессе, Ростове-на-Дону, Николаеве, Мелитополе. За вклад в развитие российской торговли Л.Л. Дрейфус был награжден орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Станислава 2-й степени и, соответственно, стал личным дворянином. Сегодня «Дрейфус Луи и Ко» входит в пятерку мировых экспортеров зерна, ее оборот свыше 22 млрд долларов [31, с. 717–719].

И таких фирм в России, особенно на Юге, было великое множество.

Напомним, что зерновой экспорт был важнейшим для российского бюджета, соответственно, тема «ключей от собственного дома» никогда не уходила из повестки правящего класса. Для простого люда предлагалось более понятное: «Водрузить крест на Святой Софии», то есть завоевать Константинополь.

Константинополь? В Берлине, пожалуй, возражали бы не все. Читаем в мемуарах Бисмарка: «Я думаю, что для Германии было бы полезно, если бы русские тем или иным путем, физически или дипломатически, утвердились в Константинополе и должны были бы его защищать. Это избавило бы нас от положения гончей собаки, которую Англия, а при случае и Австрия, натравливают против русских вожделений на Босфоре; мы могли бы выжидать, будет ли произведено нападение на Австрию и наступит ли тем самым наш *casus belli*... Если бы я был австрийским министром, то не препятствовал бы русским идти на Константинополь; но я начал бы с ними переговоры только после их выступления» [32, с. 239].

Русско-японская война стала эпиграфом к Февралю 1917 г. Ее цели для общества оказались непонятны, оппозиционная пропаганда обвиняла власти в потворстве корыстолюбивой «Безобразовской клике», человеческие жертвы и финансовые потери взывали к отмщению. На самом деле получение лесных концессий в Корее на территории протяженностью 800 километров и использование, якобы для охраны, вооруженных отрядов было прикрытием геополитических проектов и защиты российских дальневосточных границ от неизбежной экспансии Японии. Еще в 1896 г. статс-секретарь А.М. Безобразов, правнук графа Ф.Г. Орлова, разработал проект, в котором, предвидя неизбежную войну с Японией, для укрепления позиций на Дальнем Востоке предлагал ор-

Русско-японская война

Убийство В.К. Плеве

ганизовать коммерческие предприятия в Корее и Маньчжурии по типу британской Ост-Индской компании.

Геополитический резон войны знали только единицы, к тому же у них не было уверенности в ее необходимости. Похоже, на Дальнем Востоке империя получила повторение Крымской эпопеи. И с тем же результатом.

Несоответствие между экономически активной и образованной частью населения и «старосветски-помещичьим» характером государства создавало буквально каждый день все новые напряжения. Террор «Народной воли», настигший Александра II, был в начале XX в. продолжен новыми образованными молодыми людьми, идущими на самопожертвование. Вслед за императором погибли тысячи людей, находившихся по эту сторону невидимой баррикады, — министры, губернаторы, генералы, офицеры, священники, купцы, крестьяне, простые обыватели, женщины, дети. Они погибли от руки наследников «Народной воли», социалистов-революционеров, сокращенно — эсеров, чьей идеологией был террор, террор, террор.

Были убиты министр народного просвещения А. П. Боголепов, министр внутренних дел Д.С. Сипягин, министр внутренних дел В.К. Плеве. Эти покушения проведены Боевой организацией эсеров, которой руководили Г. Гершуни, Б. Савинков, Е. Азеф.

Противостояние коронной власти и общества дошло до немыслимого градуса, характерного только для революции или гражданской войны. Например, в 1902 г. дворянин Павел Николаевич Милюков, помещик, интеллектуал, ученик знаменитого историка В.О. Ключевского, будущий председатель парламентской партии конституционных демократов, высказывался так: «Еще два-три покушения на царских министров, и у нас будет конституция» [33].

Революция 1905 г. вырвалась из разрыва традиции и модерна, коронная власть оказалась в самом жерле вулкана.

Дальнейшие события, инициированные либеральными интеллектуалами, привели к массовым забастовкам (бастовали 90% предприятий страны, железные дороги, почта, телеграф, торговля, бойни, аптеки, нотариусы, водопроводчики), крестьяне громили помещичьи усадьбы, в Прибалтике латыши заживо сожгли захваченных драгун, гремели взрывы бомб, восстали крепости Свеаборг и Кронштадт, команды черноморских броненосцев «Потемкин» и «Очаков». Экономически активное население, общинное крестьянство и «бывшие» дворяне поставили империю на край пропасти. Всего за три года революции было 26 628 террористических актов, погибли 669 человек, свыше 2000 было ранено.

Поражение в войне сорвало сдерживающие засовы.

13 октября Николай II поручил Витте возглавить Совет министров, войска Петербургского военного округа переподчинялись генерал-губернатору столицы Д.Ф. Трепову. 14 октября в Петрограде начал работу Совет рабочих депутатов, куда вошли представители революционных партий и выборные делегаты от заводов. Председатель Петербургского совета Г.С. Носарь-Хрусталев прямо заявлял, что всеобщая политическая забастовка 1905 г. профинансирована крупным капиталом(!). Правительство не рискнуло за-

ВѢДОМОСТИ СПБ. ГРАДОНАЧАЛЬСТВА

1905 г.

LXVII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ:

Забастовка на Путиловском заводе 17 октября 1905 г.

Демонстрация в Петербурге 18 октября 1905 г.

крыть совет, опасаясь новых рабочих забастовок. 15 октября не вышла ни одна российская газета, кроме киевского «Киевлянина». В Москве население испытывало большие трудности. На рынках не было продуктов, в водопроводе — воды. Торговцы, лишившиеся возможности зарабатывать, и городской люд за несколько дней забастовки пришли в сильнейшее раздражение против ее зачинщиков. Уже 14 и 15 октября на московских улицах начались столкновения простонародной толпы с забастовщиками. Стали избивать студентов. 16 октября сказала свое слово Церковь. Во всех храмах было прочитано обращение митрополита Владимира, призвавшего народ бороться со смутой. 17 октября с утра заработал водопровод, стали принимать скот бойни, застучали по рельсам вагоны конки. Сразу на трех железных дорогах — Казанской, Ярославской, Нижегородской — служащие решили приступить к работе. В Твери вечером 17 октября толпа осадила губернскую управу, где собрались земские служащие для обсуждения вопроса о забастовке, подожгли здание и били выбегающих из него людей, не различая сторонников и противников забастовки. 16 октября делегация петербургского Совета рабочих депутатов потребовала от городской думы ассигнований на продолжение стачки и на приобретение оружия и организацию пролетарской милиции.

17 октября император подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», назвав свой шаг «страшным решением, которое он, тем не менее, принял совершенно сознательно». Как утверждали приближенные, при подписании у него из глаз катились «крупные слезы». Россия из абсолютной монархии становилась конституционной. Манифест давал максимум возможного: «...даровать народу незыблемые основы гражданских свобод» (неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов, участие в выборах в Государственную думу всех слоев населения, признание Думы законодательным органом, без одобрения которого ни один закон не мог вступить в силу). Монархия показывала, что готова к диалогу с главным оппонентом, состоятельной и образованной частью общества, не исключая и народ. Дальнейшие события зависели от способности сторон не впадать в разрушительные крайности и выстраивать новую, парламентскую государственность.

Царь размышлял о своем выборе: «Предстояло избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силой; но это стоило потоков крови и в конце концов привело бы к теперешнему положению, то есть авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый... Другой путь — предоставления гражданских прав населению... Кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную думу — это, в сущности, и есть конституция» [34, с. 62].

Говоря другими словами, император предпочел не использовать всю мощь государства; спустя 12 лет, в 1917 г., он фактически повторил свой выбор. Именно с этого момента начинается трагическое ненахождение общего языка двух главных политических сил: традиционной имперской государственности и буржуазной демократии. Николай II, сделав беспрецедентный по трудности выбор, до конца своего царствования надеялся найти союзника в лице образованной части общества.

Обнародование манифеста взорвало страну. Пиком противостояния стало Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г., подавленное с применением артиллерии Семеновским гвардейским полком под командованием генерал-майора Георгия Александровича Мина, который почти сразу же (в августе 1906 г.) был застрелен учительницей(!)-эсеркой Зинаидой Коноплянниковой.

Манифест оказался недоваренным и трудноперевариваемым блюдом. Общество было не готово к сотрудничеству. Витте с размаху налетел на пустоту, которую принимал за прочную опору. Суворин записал в дневнике 23 июля 1907 г. как эпитафию отставленному премьеру: «У Витте большой талант и большой ум, умение узнавать людей, но малое образование и полное отсутствие нравственных правил. Он старается подкупить всякого человека тем или другим способом и вытянуть из него все, что можно. Огромная ошибка была издать Манифест 17 октября, никого не предупредив: губернаторы узнали из газет, когда они стали выходить» [35, с. 447].

Можно сказать, что под покровом реформы Россия оставалась двуликим существом, состоящим из двух половинок.

Государственная дума, избранная в апреле 1906 г., оказалась малоспособной к конституционной деятельности. Да и коронная администрация слабо представляла себе деятельность парламента. Она исходила из многовековой сущности монархии: Россия как большая семья держится на патернализме царской власти, на личности монарха, неотделимой от заботы о народе. Избранная Дума эту связь фактически разъединяла, и роль монарха должна была измениться.

С самого начала Дума отказалась морально осудить терроризм, предложение депутата М.А. Стаховича осудить политические убийства не прошло! Лидеры кадетов говорили, что невозможно осуждать террор, так как партия утратит моральный авторитет.

Струве же раскрыл причины политической зависимости российского либерализма от западных банков: «одним из устоев нашей конституции» является «внутренняя политическая и финансовая слабость России».

(Можно проследить аналогию политической реформы 1905 г. с советской «перестройкой», в результате которой разрушился Советский Союз. Вопрос в обоих случаях стоял так: с каких реформ начинать — с политических или экономических? Сошлемся на принципиальный разговор М.С. Горбачева и Дэн Сяопина, состоявшийся 16 мая 1989 г. во время официального визита советского лидера в КНР. Касаясь идущих в Советском Союзе и Китае реформ, Горбачев сказал: «Вы начали преобразования с экономики, а мы — с политики, но в итоге придем к одному результату».

Дэн Сяопин возразил: «Мы придем к разным результатам».

В своих мемуарах Горбачев предпочел об этом умолчать, а Евгений Примаков, сопровождавший Генерального секретаря, в беседе с автором этих строк подтвердил, что такой разговор был.

Реформы Горбачева разрушили политическую систему СССР, базировавшуюся на конституционности партийных органов. Как только КПСС стала уступать власть, она начала превращаться в живой труп, и от нее следовало скорее избавиться. Нечто подобное происходило в Российской империи.)

Среди генералов зарождались мысли о перевороте, о чем можно судить по мрачному высказыванию члена Государственного совета, бывшего киевского генерал-губернатора графа А.П. Игнатьева: «Мы попали в тупик. И придется, пожалуй, пойти в Царское с военной силой...» [36, с. 16].

Но тут на сцене появляется герой-спаситель. Петр Аркадьевич Столыпин [2 апреля 1862 — 5 сентября 1911] в апреле 1906 г. с должности саратовского губернатора был назначен министром внутренних дел, а в июле того же года стал премьер-министром. После досрочно распущенной 1-й Думы и громкого покушения на Столыпина (взорван его дом, сын и дочь ранены) по приказу Николая II для борьбы с террористами были учреждены военно-полевые суды, в порядке упрощенного судопроизводства (в 24 часа) террористов стали вешать и расстреливать. В 1905–1913 гг. были приговорены к смертной казни 6871 человек, казнен 2981. Революция пошла на спад.

В уездах начали работать правительственные комиссии по проведению аграрной реформы, которая была объявлена указом императора 9 ноября 1906 г. Предстояло решить экономическую и социальную проблему. Сельское население европейских губерний с 1861 г. выросло с 50 до 86 млн человек, ежегодно оно увеличивалось на 2%, но сельское хозяйство не давало адекватного увеличения продовольствия. Соответственно, у крестьян не прибавлялось и земли.

Страна, в которой жил Столыпин, была «необъятным и темным мужицким царством с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культурным слоем, с царем, сдерживающим это царство и не допускавшим растерзания народом этого культурного слоя».

Теперь крестьяне могли выходить из общины, они получили возможность покупать землю через Крестьянский банк по льготной цене в многолетний кредит — до 95% стоимости кредита оплачивало государство. В Крестьянский банк безвозмездно передавались государственные земли и земли, принадлежавшие царской семье. Земля не продавалась ни помещикам, ни крестьянским обществам, ни банкам, ни горожанам — только крестьянам в личную собственность. Спекуляция приобретаемой землей исключалась. Большинство покупателей были середняки и бедняки. Началась Столыпинская аграрная реформа, которая должна была наделить землей желающих расширять свое хозяйство крестьян. Делая ставку на «сильных хозяев», правительство не предполагало насильственного разрушения общины, но невидимая война между «Семеновыми» и общинниками шла везде — где бескровная, а где с кровопролитием и убийствами.

Еще одно важное обстоятельство, открывшееся после аграрной реформы, приведено в книге Александра Исаевича Солженицына «Двести лет вместе»: «И евреи-землевладельцы, часто с изрядными участками, проявили себя противниками столыпинской земельной реформы, передающей землю в частную собственность крестьян. (Не только они, — поразишься ярости, с которой эту реформу встретила пресса тех лет, не только крайне правая, но и вполне либеральная, а уж тем более — революционная.) Еврейская энциклопедия толкует: „аграрные реформы, основанные на передаче земли исключительно в руки тех, кто ее обрабатывает личным трудом, нарушили бы интересы некоторой части еврейского населения, находящейся при больших хозяйствах еврейских землевладельцев“. Прошла революция, и советско-еврейский автор, оглядываясь, уже с пролетарским негодованием писал так: „Еврейские помещики имели при царской власти более 2 миллионов гектаров земли (особенно при сахарных заводах на Украине, а также большие имения в Крыму и Белоруссии)“, даже имели „более 2 млн гектаров лучшей черноземной земли“. Например, барон Гинцбург в Джанкойском районе имел 87 тыс. гектаров, фабриканту Бродскому принадлежали десятки тысяч гектаров при его сахарных заводах, и такие же имения у других сахарозаводчиков. Всего еврейским капиталистам принадлежало 872 тыс. гектаров сельскохозяйственных площадей. А за земельной собственностью следовала и хлебная торговля, и мучная. (Вспомним: хлебный экспорт „осуществлялся почти исключительно евреями“.) „Из всего еврейского населения СССР до революции целых 18% (больше миллиона человек! — *А. С.*) приходилось на тех, кто занимался хлебной торговлей самостоятельно, как хозяин, и на членов их семей. Это обстоятельство создавало известное нерасположение к еврейскому населению со стороны крестьян“ (ибо скупщики стремились всячески снизить цену на хлеб, чтобы продать его выгоднее). Становились евреи скупщиками и других крестьянских продуктов в западных губерниях и на Украине. (Впрочем, как не отметить: деятельные трудолюбивые старообрядцы в Клинцах, Злынке, Стародубе, Еленовке, Новозыбкове не отдавали торговлю в чужие руки.) Бикерман считает, что невозможность для еврейских хлебных торговцев распространиться на всю территорию России способствовала неподвижности, застою, кулачеству. Но „если русская хлебная торговля... вошла составной частью в мировой торговый оборот... то этим страна обязана главным образом евреям“». Как мы прочли раньше, «уже в 1878 г. на долю евреев приходилось 60% хлебного экспорта из Одессы. Евреи первые развили хлебную торговлю в Николаеве, Херсоне, Ростове-на-Дону, они же — и в Орловской, Курской, Черниговской губерниях, и „были значительно представлены в петербургской хлебной торговле“». А в Северо-Западном крае приходилось „на 1000 торгующих зерновыми продуктами 930 евреев“».

Однако большинство источников не освещает рыночного поведения этих еврейских скупщиков. А было оно порой суровым и по сегодняшним меркам незаконным: например, евреи-скупщики иногда сговаривались и отказывались вообще покупать урожай, чтобы цены падали. Не случайно же в 90-х годах XIX в., впервые в России и раньше, чем в Европе, в южных губерниях возникли земледельческие кооперативы (под руководством графа Гейдена и Бехтеева) как противодействие этой, по существу вполне монопольной, скупке крестьянского хлеба [3, с. 298–299].

В стране стали параллельно существовать два мира с различным экономическим устройством: одна треть крестьян — активные «рыночники» и две трети — их антиподы. При этом те крестьяне, которые продали свои наделы и перебрались на заводы и стройки, несли туда общинную психологию, отвергающую буржуазную экономическую реформу. Можно сказать, что под покровом реформы Россия оставалась двуликим существом, состоящим из двух половинок.

Впрочем, у Столыпина были основания надеяться на то, что государство проскочит между монархической наковальней и крестьянским молотом. Стратегия реформ: создать в деревне опору государственной власти из крепких собственников, изжить уравнительную общинную практику, избыток рабочей силы направить в растущую промышленность, обеспечить модернизацию сельского хозяйства. И вот что важно: мелкие и средние хозяйства должны были объединяться в самоуправляемые структуры (своеобразные «колхозы») под патронажем крупных помещичьих хозяйств. Но мы знаем, что эта эволюционная «коллективизация» сельского хозяйства не состоялась, а была доведена до логического конца в 1930-е годы во время социалистической индустриализации, которая явилась оборотной стороной «столыпинской медали».

Теперь следовало, учитывая опыт американских аграриев и промышленников, вырвавшихся на мировой сельскохозяйственный рынок, применить машинную обработку почвы на обширных площадях, построить элеваторы, создать систему складской и транспортной логистики, обеспечить дешевые банковские кредиты. Стояла задача — сделать высокодоходным ведущий сектор экономики, пребывающий в архаике времен царя Гороха. А для этого надо было дать ему финансовую опору.

Еще очень важное обстоятельство: мелкие и средние помещичьи хозяйства быстро исчезали. Страна должна была пройти через неизбежное реформирование дворянского политического класса, а тот, кто проводил это реформирование, оказывался под прицелом недовольных. Программу премьера составлял не только проект земельной реформы, а целая законодательная «революция»: законы о свободе вероисповедания, неприкосновенности личности и гражданском равноправии, улучшении крестьянского землевладения, улучшении быта рабочих, государственном страховании, административной реформе — реформе земского самоуправления, введении земства в Прибалтийском и Западном краях, земском и городском самоуправлении в Царстве Польском, реформе местного суда, реформе средней и высшей школы и массового начального образования, введении подоходного налога, объединении полиции и жандармерии, а также издание нового закона об исключительном положении, о новой территориальной организации империи по примеру американских «штатов» или германских «земель». Кроме того, намечалась отмена ограничений для евреев. Столыпин понял главную проблему момента: укрепить государство и успокоить общество. Однако страна, в которой жил Столыпин, была «необъятным и темным мужицким царством с очень слабо развитыми классами, с очень тонким культур-

Фото: РНБОЭ. Группа депутатов Государственной думы: Г.Р. Килевейн, В.Д. Кузьмин, М.А. Стахович, В.И. Гессен и др.

Столыпинская аграрная реформа

ным слоем, с царем, сдерживающим это царство и не допускавшим растерзания народом этого культурного слоя» [37, с. 493–494].

Чтобы понять масштаб проблемы, надо сказать, что рост населения привел к огромной перенаселенности в деревнях (скрытой безработице), составлявшей в 1900 г. в 50 центральных губерниях примерно 23 млн человек [38, с. 326].

При этом по стране бродило около 10 млн так называемых сердитых нищих. Куда, на какие новые стройки городов, заводов и портов должны были уйти эти люди? Да и были ли такие стройки в нужном количестве? Чтобы укрепить аграрный сектор, Столыпин бросил вызов финансовому миру, потребовал, чтобы государственный Крестьянский поземельный банк перешел в подчинение МВД (Столыпин занимал пост и министра внутренних дел) и выпустил облигационный заем на колоссальную сумму в 500 млн рублей.

Кирилл Александрович Кривошеин в своей книге об отце, ближайшем сотруднике Столыпина, повествует о борьбе реформаторов с министром финансов В.Н. Коковцовым за создание настоящего инвестиционного банка для поддержки сельского хозяйства, остро нуждавшегося в деньгах. Получившие землю крестьяне напоминали армию без патронов; государству следовало сделать решающий шаг для их поддержки, чтобы уменьшить хищничество экономически сильных. Однако чисто «бухгалтерский» подход Коковцова, считавшего, что главным для министерства является не развитие, а накопление золотого запаса, вело политику Столыпина в тупик.

Российский золотой запас был самым большим в Европе, но Государственный банк эмитировал недостаточное количество денег. «Россия была одной из редких стран, где сумма кредитных билетов в обращении была ниже суммы золотого запаса» [39].

Если бы замысел Столыпина и Кривошеина был реализован и премьер стал бы экономическим диктатором, жизнь государства повернулась бы в новом направлении.

Российский золотой запас был самым большим в Европе, но Государственный банк эмитировал недостаточное количество денег.

Да, Столыпин усмирил революцию, держа «в одной руке пулемет, а в другой — плуг» (выражение В.В. Шульгина), но чем дальше революция уходила в прошлое, тем сильнее росли в окружении царя недовольство и ревность к премьеру.

Вот что можно увидеть за строками докладной записки Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса», представленной правительству 12 июля 1914 г., то есть за 19 дней до начала Первой мировой войны. Столыпина уже нет в живых, империя находится перед роковой развилкой.

«Страна переживает в настоящее время переходное состояние. В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого пока еще только намечаются, но не поддаются учету <...>. Города растут у нас с поистине американской быстротой. Целый ряд железнодорожных станций, фабричных и заводских поселков, особенно на юге, обратился в крупные центры городской — по всему своему складу и запросам — культуры. Естественный в известные периоды экономического развития процесс концентрации населения, в силу происходящих сейчас коренных изменений в жизни сельскохозяйственного населения России, пойдет, несомненно, с возрастающей быстротой, и лет через 20–30 мы увидим, быть может, картину самых крупных в этой области перемен <...>

Но переживаемый ныне период экономического подъема сопровождается нарушением торгового баланса, делая его пассивным, по причине возрастания ввоза иностранных произведений, при невозможности удовлетворить внутренний спрос продуктами отечественной, хотя и развивающейся промышленности. Ныне, как и тогда, мы заняты усиленным строительством флота, работами для государственной обороны, сооружением железных дорог, портостроительством и пр. и начинаем прибегать к ввозу металлических изделий, каменного угля, нефти и т.д. Задержка в принятии мер к твердой охране таможенного тарифа и развития внутреннего производства уже оказала неблагоприятное влияние на торговый баланс и на финансы государства <...>

Основное условие этого развития блестяще сформулировано финансовой комиссией Государственного совета; в своем докладе по государственной росписи доходов и расходов на 1914 г. финансовая комис-

сия считала нужным вновь „указать на устарелость законов о промышленности и на излишние стеснения, испытываемые предпринимателями в разных областях промышленной деятельности. Между тем успешное развитие этой деятельности возможно лишь при условии предоставления широкого поприща личной инициативе и при отсутствии ограничений, тормозящих частные начинания в области торговли и промышленности“ <...>

СПб., 10 июля 1914 г.
Председатель Совета Н. Авдаков
Товарищ Председателя
В. Жуковский» [40].

За строками документа отчетливо слышится предупреждение правительству.

И чтобы закончить тему финансовой политики империи, скажем, что только после отставки премьер-министра и министра финансов Коковцова Кривошеину удалось повернуть стратегическое планирование в новом направлении. «Новый курс» нового министра финансов Петра Людвиговича Барка увеличивал капиталовложения в народное хозяйство, осуждалась прежняя система, «которая наполняет государственное казначейство ценою разорения, духовного и хозяйственного, всего народа». Стратегия радикально изменялась: финансовая система империи должна была работать «на началах производительных сил». Были приняты пятилетние(!) планы земельных улучшений и расширения сети железных дорог на 50%, включая Турксиб и Южно-Сибирскую магистраль, было решено строить электростанции на Днепре и Волхове.

Все это было реализовано уже в СССР. До начала Первой мировой войны оставалось восемь месяцев. ЭС

ПЭС 16004 / 15.01.2016

Продолжение следует

Источники

[1]–[14] см. в № 1/2016, с. 117.

[15]–[23] см. в № 2/2016, с. 106.

24. Павлович М. Борьба за Малую Азию / Сост. А.И. Куркчи // «Каспийский транзит». Альманах «Арабески истории». Выпуск 4, 5. В 2 т. Т. 1. М., 1996.

25. Покровский М.Н. Империалистическая война. 1915–1930. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

26. Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны. (1907–1914). М., 2011.

27. Вандам Е.А. (Едрихин). Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.

28. Ламздорф В.Н. Дневник 1891–1892. Москва — Ленинград: Academia, 1934.

29. Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. URL: http://scepsis.ru/library/id_2063.html.

30. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 6. М., 1975.

31. Сартор В. Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Т. 1. М., 2009.

32. Бисмарк О. Мысли и воспоминания: В 3 т. Т. 2. М., 1940.

33. Алексеев Н. В.И. Ленин в Лондоне (1902–1903). Отрывки воспоминаний // Пролетарская революция. 1924. № 3.

34. Рыбас С.Ю., Рыбас Е.С. Сталин. Судьба и стратегия. М., 2007.

35. Суворин А. Дневник. М.: Новости, 1992.

36. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Военное издательство, 1986.

37. Бердяев Н.А. Судьба России: Соч. М., 2004.

38. Хромов П.А. Экономическое развитие России. М., 1967.

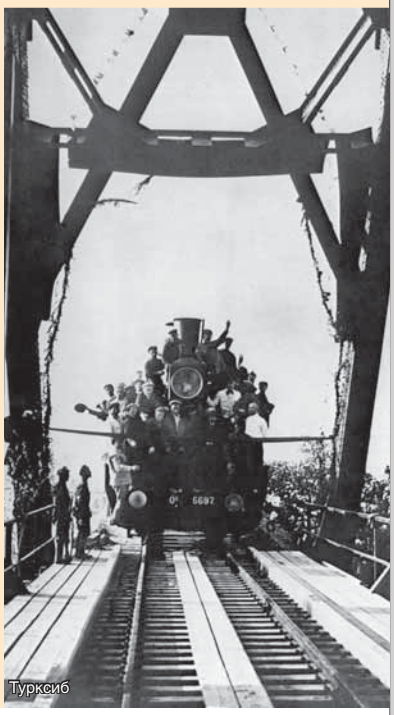
39. Кривошеин К.А. А.В. Кривошеин: его значение в истории России XX века. Париж, 1973.

40. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Ред.-сост. А.М. Анфимов, А.П. Корелин. СПб., 1995. URL: http://www.ref.by/refs/33/7276/1.html.

Русские переселенцы

П.А. Столыпин осматривает хуторское хозяйство

Последний министр финансов Российской империи П.Л. Барк


Турксиб